

С. С. ЛАНДА

ЗАРУБЕЖНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ ДЕКАБРИСТА М. Ф. ОРЛОВА

В обширной теме «Декабристы и Запад» конспиративные связи членов первых русских тайных обществ с европейским революционным подпольем — один из наименее изученных вопросов, хотя внимание к нему — и не только исследователей — не ослабевало на протяжении полутора столетий, прошедших со дня восстания 14 декабря 1825 г. В официальных документах декабристы клеветнически изображались «горстью извергов», зараженных пришедшим извне «мрачным духом крамолы» и чуждых «природным свойствам» русского народа¹. Император Николай I, лично руководивший следствием по делу декабристов, длительное время был убежден, что 14 декабря было результатом «иллюминатского заговора», центр которого находился в Париже². Высочайше учрежденная следственная комиссия употребила немало усилий, чтобы раскрыть предполагаемые связи русских и зарубежных революционеров. В письменных вопросах, обращенных едва ли не ко всем привлеченным к дознанию, настойчиво повторялся, почти не варьируясь, один и тот же пункт: «Какие тайные общества, одну и ту же цель имеющие, существуют в Германии, Венгрии, Италии, Франции и других европейских государствах, где, под какими названиями и кто известен из членов каждого?»³ Даже после того как декабристы были сосланы в Сибирь, Никите Муравьеву было обещано прощение, если он укажет на свои связи с иллюминатскими кругами через высланного из России в 1822 г. профессора Э. Раупаха, считавшегося, по мнению правительственной агентуры, «известным иллюминатом»⁴. Но ни упорные розыски во время следствия, ни высочайшие посулы не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов, не помогли обнаружить какие-либо реальные нити, связывавшие декабристов с европейским революционным движением.

Столь же малоутешительны были и исследовательские поиски в этой области. По сей день мы располагаем лишь теми немногими сведениями о зарубежных контактах декабристов, преимущественно с карбонариями Италии, Франции и Швейцарии, которые в основном были собраны в фундаментальной монографии В. И. Семевского⁵.

¹ «Русский инвалид», 21. XII. 1825, № 302, стр. 1; 14. VII. 1826, № 167, стр. 1.

² Орден иллюминатов, созданный в Германии в 1776 г. с целью практической реализации возвышенных идеалов Просвещения, принципиально отвергал революционные методы борьбы. Лишь после его разгрома баварскими властями в 1785—1787 гг. возникла легенда о том, что орден якобы продолжал тайно существовать и руководить всеми революционными движениями в европейских странах.

³ «Восстание декабристов», т. X. М., 1953, стр. 53.

⁴ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 361.

⁵ Там же, стр. 356—377. Некоторые существенные дополнения к этим материалам даны в книге: М. И. Ковальская. Движение карбонариев в Италии. М., 1971, стр. 194—202.

Было бы наивно полагать, что декабристы столь тщательно законспиривали свои связи с европейскими революционерами, что их не смогли обнаружить ни во время следствия, ни в последующие годы, когда архивы стали доступны для всестороннего изучения. Суть проблемы в другом. Внимание исследователей, как, впрочем, и следствия, было обращено на последний период декабристского движения, на время подготовки восстания 14 декабря 1825 г. — последнего звена в ряду европейских революционных выступлений начала 20-х годов XIX в. Но в ту пору, когда русские тайные общества занялись деятельной подготовкой вооруженного восстания, центры революционного движения в Европе были уже разгромлены: в 1821—1823 гг. были нанесены тягчайшие военно-полицейские удары по массовым тайным организациям в Италии, Германии, Франции, Испании и сколько-нибудь серьезные контакты с ними были невозможны. Отдельные эпизодические связи между русскими и зарубежными конспираторами, например, встречи Н. И. Тургенева с испанским революционером Ван-Галеном, характерные для более ранних этапов жизни тайного общества — «Союза спасения» (1816—1818) и «Союза благоденствия» (1818—1821), не приобрели устойчивых организационных форм и легко распадались. Единственное исключение — конспиративная деятельность декабриста М. Ф. Орлова в Кишиневе, поднимавшаяся на волне общеевропейского революционного движения 1819—1821 гг.

Военная и общественно-политическая биография Михаила Федоровича Орлова, одного из самых крупных деятелей раннего декабристского движения, обстоятельно изучена⁶. Боевой генерал и талантливый дипломат, отличившийся в годы Отечественной войны и заграничных походов, он пренебрег блестящей карьерой и полностью посвятил свои силы борьбе уже не с внешними, а с «внутренними врагами России», под которыми он разумел деспотическую власть монарха и крепостное право. Политический темперамент Орлова ярко проявился в создании первых тайных обществ (1815—1817), в литературно-политических выступлениях 1818—1819 гг. и, особенно, в конспиративной деятельности в Кишиневе, куда он был назначен в 1820 г. командиром 16-й пехотной дивизии⁷.

В самом начале 20-х годов Орлов пришел к убеждению, что Россия вполне подготовлена к революционному взрыву, что общее недовольство всех сословий настолько велико, что при первом же серьезном толчке все легко придет в движение. Поэтому он возлагал определенные надежды на революционные события в европейских странах, видя в них начало общих преобразований и для России. 27 июня 1820 г. он писал А. Н. Раевскому: «У французов загорается, и так это не кончится. В Турции также беспокойно. Янинский Али Паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16-ть тысяч под ружьем, 36 орудий и 6-ть полков казачьих. С этим можно пошутить»⁸. 13 октября 1820 г. Орлов в письме к тому же адресату многозначительно намекал: «У нас — большие известия и что-то возгорается, похожее на предвозвещение общего пожара»⁹. Подобные настроения разделяли многие будущие декабристы. Предатель-доносчик М. К. Грибовский с раздражением писал: «Общество с нетерпением ожидало, что в Пруссии последует насильственный перелом правления, после чего Польша не замедлила бы тому последовать, и таким образом надеялись подать руку с

⁶ М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908, стр. 1—74; С. Я. Боровой. М. Ф. Орлов и его литературное наследие. — В кн.: М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 269—313; Л. Я. Павлов. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964.

⁷ В. Г. Базанов. Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1951; М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, стр. 132—139, 182—184, 220—222, 253—256, 356—370.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1711-И (М. Ф. Орлова), оп. 1, д. 53, л. 8.

⁹ Там же, л. 12 об.

севера беспокройному югу. Они не могли скрыть глупой радости при про-
шествиях в Испании и Неаполе»¹⁰.

Революционные события в европейских странах, казалось, торопили Орлова, подсказывали необходимость приступить к самым решительным действиям. В начале 1821 г. он выступил на Московском съезде «Союза благоденствия» с развернутым планом организации немедленной революции. Об этом выступлении сохранились отклики в написанной вскоре после съезда доносительской записке Грибовского, бывшего членом Куренной управы «Союза благоденствия»¹¹, и в воспоминаниях декабриста И. Д. Якушкина¹², отделенных от описываемых событий многими десятилетиями. Несмотря на некоторые вполне естественные расхождения, в главном оба свидетельства совпадают и дополняют друг друга, хотя сведения, сообщаемые в них, весьма фрагментарны и во многом еще до конца не прояснены в исследовательской литературе.

В основе программы действий Орлова лежало требование создания нового тщательно законспирированного общества, руководящее ядро которого называлось бы «Невидимыми братьями». К нему, словно лучи к центру, должны были стекаться («неся дани, не ведая кому») остальные члены, разделенные «по народам (на языки: греческий, еврейский и пр.)». Одновременно Орлов предлагал создать «в лесах» типографию или литографию для печатания и распространения антиправительственных сочинений и фальшивых ассигнаций. Инициативу революционного выступления Орлов оставлял за собой и руководимой им 16-й дивизией, причем само вооруженное восстание мыслилось в ближайшем будущем.

Предложенные Орловым «неистовые меры» удивили большинство участников съезда декабристов и были отклонены. Тайное общество, находившееся в состоянии сложной реорганизации, не могло взять на себя столь решительные задачи. Позднее делались даже попытки поставить под сомнение искренность выступления Орлова на съезде, который якобы подобным образом, выдвигая явно неприемлемые требования, пытался оправдать свой выход из тайного общества после 1821 г. Такого мнения придерживался, в частности, Якушкин, которому, как и многим другим участникам съезда, остались явно непонятными мотивы «фантастических» предложений Орлова. Воспоминания Якушкина, как и записка Грибовского, были подвергнуты тщательному источниковедческому анализу С. Н. Черновым, который пришел к выводу о серьезности выступления Орлова, но также признал отход Орлова от тайного общества после отклонения его плана¹³. И только М. В. Нечкиной, обратившей внимание на революционную деятельность кишиневских декабристов после съезда, удалось доказать, что ее следует рассматривать как прямое следствие выступления Орлова, как подготовку к осуществлению его замыслов¹⁴. Действительно, Орлов после Московского съезда не только не отошел от тайного общества, а, напротив, резко усилил свою революционную активность. Он перенес, опираясь на члена «Союза благоденствия» майора В. Ф. Раевского, революционную пропаганду из дворянских салонов в солдатские казармы, деятельно подготавливая 16-ю дивизию к вооруженному восстанию¹⁵.

¹⁰ «Декабристы». Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман. М.—Л., 1926, стр. 112.

¹¹ Там же, стр. 114.

¹² «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951, стр. 43—44.

¹³ С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.— «Ученые записки» Саратовского гос. ун-та, т. IV, вып. 3. Саратов, 1925, стр. 1—37.

¹⁴ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 326—328; см. также наблюдения С. Я. Борового о связи выступления Орлова на съезде с его предшествующей и последующей деятельностью.— С. Я. Боровой. Указ. соч., стр. 296.

¹⁵ О революционной программе М. Ф. Орлова 1821 г. см.: М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 326—328, 356—370; С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821.— «Пушкин и его вре-

С революционными замыслами Орлова были связаны и его попытки наладить организационные контакты с европейскими тайными обществами. Сведений об этой стороне деятельности Орлова крайне мало. Он был отстранен от командования дивизией задолго до восстания декабристов, сразу же после ареста в январе 1822 г. его адъютанта майора В. Ф. Раевского, обвиненного в ведении антимонархической агитации в войсках, однако не был привлечен к следствию — главную роль здесь сыграло мужественное и стойкое поведение Раевского. Не пострадал Орлов чрезмерно и во время позднейшего политического процесса по делу декабристов. На сей раз помогло заступничество перед императором старшего брата, Алексея Федоровича Орлова, принимавшего деятельное участие в разгроме восстания декабристов. Таким образом, у него было достаточно времени, чтобы заблаговременно уничтожить все личные бумаги, скольконибудь опасные в политическом отношении. И все же кое-что уцелело. Правда, это случайные сколки с уже не существующего целого и сами по себе они мало о чем говорят. Но собранные воедино эти факты — отрывочные высказывания в переписке Орлова с близкими людьми, мемуарные свидетельства русских и зарубежных его современников, случайные находки в следственных делах, ведущие к кишиневской эпохе жизни Орлова, — позволяют прочесть одну из замечательных страниц в истории революционной солидарности декабристов с европейским освободительным движением.

В литературе уже встречались сведения о контактах Орлова с представителями польской оппозиционно настроенной общечественности. Декабрист С. Г. Волконский в своих «Записках» подчеркивает знакомство Орлова с поляками во время его нахождения в Киеве в 1819—1820 гг.: «У нас собирался кружок образованных людей, как русских, так и поляков, довольно большой по случаю съезда на контракты... Михаил Орлов по уму и сердцу был... коноводом и действовал на просторе в Киеве, где ни предрассудки старинных закоренелых недвигателей, ни лиц высшего общества, ни неусыпный и рабски усердный надзор полиции, явной и секретной, — не клали помехи в широком действии, и где съезд на контракты образованных людей давал случай узнавать людей и сеять семена прогресса политического»¹⁶.

Подобного рода деятельность была продолжена Орловым в Кишиневе. В воспоминаниях кишиневского знакомого Пушкина И. П. Липранди приведена краткая запись, что в июле 1821 г. к генералу Орлову приехали «Александр и Василий Львовичи Давыдовы, с ними, проездом в Одессу, заезжали киевские знакомцы Михаила Федоровича, граф Олизар и Швейковский; из Вильны в то же время Валевский и Ромер, также знакомые генерала по ежегодному их приезду на киевские контракты»¹⁷. Там же все эти дни находился Пушкин. Среди перечисленных лиц — декабристы В. Л. Давыдов и И. С. Повало-Швейковский, близко стоявший к польским и русским тайным обществам Г. Олизар, а также М. Ромер, о котором следует сказать несколько подробнее.

Весной 1821 г. польские конспираторы преобразовали полулегальное «Национальное масонство» в тайное «Патриотическое общество» с программой национального восстановления Польши. В Литву был послан полковник Оборский, который совместно с М. Ромером, местным руководителем лож «Национального масонства», создавал здесь ответвления «Патриотического общества». В мае-июне эта работа в основном была завершена. М. Ромер был назначен начальником совета Литовской провинции «Патриотического общества». Спустя несколько недель он выехал в Кишинев

мя», вып. I. Л., 1962, стр. 150—166; его же. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов (1816—1825). М., 1975, стр. 153—197.

¹⁶ «Записки С. Г. Волконского». СПб., 1902, стр. 400—401.

¹⁷ «Русский архив», 1866, № 8—9, стб. 1258.

к Орлову. Вполне вероятно, что эту поездку нужно поставить в связь с интересом польских тайных обществ к русскому революционному движению. Следует обратить внимание и на то, что Ромер приезжал после Московского съезда, на котором Орлов выдвинул радикальный план подготовки к вооруженному выступлению. Каких-либо сведений о содержании этих встреч нет. Можно лишь предполагать, что в доме Орлова затрагивались вопросы о революционном движении в Западной Европе и России, о русско-польском сближении и будущем обоих народов. Эти встречи и разговоры не привели к каким-либо практическим результатам, но их можно рассматривать, пользуясь выражением Орлова, как «намерение сплести новый узел к соединению двух народов»¹⁸, как первый опыт сближения русских и польских революционеров, предшествовавший будущим переговорам между «южанами» и «Патриотическим обществом» в 1823—1825 гг.

К такого же рода конспиративным связям относится знакомство Орлова с уроженцем Людвигсбурга (Вюртемберг) Адольфом Иорданом. Студент Тюбингенского университета, исключенный за участие в студенческих выступлениях, член многих тайных обществ (и среди них «Черных» и «Непримиримых», руководимых немецкими конспираторами братьями Фолленами и их другом, впоследствии воспетым Пушкиным в «Кинжале» К. Зандом), он вынужден был покинуть Германию после убийства Зандом агента царского правительства А. Коцебу и нелегально перебраться в 1820 г. в Россию. Возможно, что это решение было подготовлено старыми политическими связями Иордана: в 1818 г. он находился некоторое время в Киеве и Одессе с какими-то поручениями от Иенского тайного общества. В 1820 г. он снова появился в Киеве и вскоре сблизился с Орловым, которому представил себя «приятелем Занта, вынужденным «по сделанию оным смертоубийства ...скрываться под чужим именем»¹⁹.

Новый знакомый оказался Орлову полезным человеком. Он использовал его в качестве своего агента по различным конспиративным заданиям. Под именем Шмидта Иордан был направлен в Александрийский гусарский полк, расположенный в Кременчуге («для проживания несколько времени с офицерами, которые по большей части есть курляндцы и обучались в университетах, и стараться узнать образ их мыслей насчет правительства»). Тогда же, в 1820—1821 гг., Иордан, на сей раз под именем Геча, побывал дважды в Дерптском университете, где пытался создать буршеншафтское общество и наладить связи с тайными немецкими студенческими организациями. Сохранились также сведения, что Орлов послал Иордана в Москву к некоему Голицыну, но уточнить личность последнего нам не удалось. Впоследствии Иордан вспоминал, что в 1826 г. он «был взят под стражу по подозрению в доставлении писем разным лицам, принимающим участие в мятеже 1825 г.»²⁰. Не лишено интереса и то, что

¹⁸ «Письма М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому (1819—1829)». Публикация и комментарии Л. Я. Вильде. Вступительная статья М. В. Нечкиной.— «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. Декабристы-литераторы. М., 1956, стр. 28.

¹⁹ ЦГАОР СССР, III отделение, 1 эксп., д. 26.

²⁰ В действительности Иордан был арестован в Варшаве в январе 1827 г. как беглый солдат Польского уландского полка и приговорен в конце того же года к смертной казни через повешение. 13 марта 1828 г. приговор отменили; Иордан «прогнан был шпирутенами четыре раза, после чего выключен из военного ведомства и сослан в каторжную работу». С 1830 г. он был переведен на поселение, а в 1856 г. перечислен в сословие сибирских крестьян. В 1860 г. ему отказали в возвращении прав и не разрешили совершить поездку в Штутгарт к брату для получения наследства. Таким образом, его миновала амнистия, распространявшаяся на всех причастных к делу декабристов (ЦГАОР СССР, III отделение, 1 эксп., д. 26. Об иностранце Иордане, называвшемся Гечем, Шмидтом, Миллером, Геммингом и пр., и о сношениях его с генерал-майором Орловым и графом Ностицем. 1827 г., на 70 л.). Достоверность показаний Иордана подтверждается ответами на вопросные пункты Ностица, бывшего в 1820 г. командиром Александрийского гусарского полка. Ответы Орлова, отправленные в 1827 г. в Варшаву, где велось следствие, сохранились в черновом виде в бумагах Орлова (ИРЛИ, ф. 255, д. 4. Ответ на запрос кн. Александра Оболенского по поводу показаний арестованного Иордана).

в своих показаниях Иордан останавливается на фактах конспиративной деятельности, относящихся лишь к 1820—1821 гг., т. е. ко времени наибольшей политической активности Орлова, прерванной в июле 1822 г. арестом В. Ф. Раевского.

Нельзя преувеличивать практическое значение встреч Орлова с Иорданом. После убийства Задом Коцебу немецкие студенческие тайные общества были разгромлены, и Орлову было хорошо известно, что какие-либо связи с ними мало реальны. Тем не менее он стремился привлечь к себе Иордана, превратить его в собственного агента и использовать в интересах подготавливаемой в России революции.

Для понимания революционной программы Орлова этой поры существенно важно также его отношение к греческому национально-освободительному восстанию, начавшемуся в Придунайских княжествах в феврале (марте) 1821 г., вскоре после возвращения Орлова с Московского съезда в Молдавию. Если учесть, что центры движения этеристов находились в России, что само восстание подготавливалось в Кишиневе, что возглавлял эту деятельность давний знакомый Орлова князь Александр Ипсиланти, что, наконец, русское общество издавна питало симпатии к делу освобождения Греции²¹, то вопрос о конспиративной близости руководителей русского и греческого тайных обществ становится вполне обоснованным. Тем более, что существует свидетельство хорошо осведомленного современника Ф. Ф. Вигеля о частых встречах Орлова с Ипсиланти в Кишиневе накануне восстания²². Однако румынский историк А. Виану, полемизируя с М. В. Нечкиной, полагавшей, что Орлов учитывал в своем революционном плане греческое восстание²³, пришел к выводу, что источники не дают оснований для такого рода утверждений²⁴. При этом румынский исследователь в основном опирался на не публиковавшиеся ранее материалы, собранные И. П. Липранди для очерка восстания 1821 г. в Придунайских княжествах и ныне хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

Действительно, в бумагах Липранди сохранились отрывки из воспоминаний, в которых он настойчиво отвергал связи Орлова с этеристским движением. Так, отмечая, что восстание началось на 3-й день после отъезда братьев Ипсиланти из Кишинева в Яссы, где 24 февраля (8 марта) и прозвучал призыв «Час пришел, храбрые греки!», Липранди пишет: «Князь Александр Ипсиланти, как уже прежде знакомый с М. Ф. Орловым, хотя и очень редко посещал его, но несправедливо распушен был слух, что будто бы князья Ипсиланти и князь Кантакузины за несколько дней до отъезда своего были у Михаила Федоровича в гетеристских костюмах. Это несправедливо, а еще более, что будто бы Михаил Федорович знал о предприятии князя Ипсиланти. Относительно же гетеристского костюма, что на одном из костюмированных балов на маслянице у губернатора Катакази братья жены его, князья Николай и Георгий Ипсиланти, появились в некоторое время в греческих костюмах, один с женою бояра Паллады, другой с женой Зилотти; их появление в этой одежде не произвело никакого любопытства, разве только одну улыбку, увидев двух греков в русской службе, заменивших в этот вечер мундир греческим платьем. М. Ф. Орлов и князь Александр Ипсиланти, в русском генеральском мундире, играли в бостон. Через несколько дней после того князь А. Ипси-

станта Иордана. 1827 г.). Материалы о конспиративной деятельности Иордана в Дерптском университете содержатся в архиве канцелярии сенатора Н. Н. Новосильцева в Варшаве. — Archiwum Akt Dawnych. Rozdział III. Kancelaria Nowosilcowa, № 710, к. 1—30.

²¹ См. Г. Л. А р ш. Этеристское движение в России. М., 1970.

²² «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. 6. М., 1892, стр. 115.

²³ М. В. Н е ч к и н а. Указ. соч., стр. 327.

²⁴ А. В и а н у. Cu privire la influența mișcării eteriste asupra decembrieștilor. — «Analele Romino-Sovietice». Seria istorie, 1958, № 1—2 (21—22), p. 83—91.

ланти с братьями уехал в Скуляны, что также никого не удивило, ибо и пред сим он несколько раз ездил на переговоры в карантин под предлогом будто бы своих частных дел; имея уже издавна заграничный паспорт на графа Ланжерона, на сей раз воспользовался им и, как видели, в русском мундире прибыл в Яссы.

Я был свидетелем, когда на третий день, за обедом, было получено с нарочным из Скулян сведение о событиях в Яссах, далеко не притворному удивлению Михаила Федоровича, который тотчас же обедающему у него ст. адъютанту капитану Калакуцкому приказал войти в его кабинет и при рапорте представить корпусному командиру генералу от инфантерии Сабанееву полученное донесение из Скулян и пр. Приказал стоящему при нас поручику Таушеву отправиться с сим донесением в Тирасполь. Часа через два другой же офицер послан с письмом генерала Орлова к Сабанееву, а другой — с предписанием казачьему полковнику Бегидову об усилении надзора на кордонах по Пруту»²⁵.

Богатые точными фактическими данными воспоминания Липранди, основанные на ежедневных дневниковых записях, должны приниматься во внимание при изучении кишиневского периода биографии Орлова. Но они не могут быть единственным достоверным источником для решения столь важного вопроса, как отношение Орлова к греческому восстанию 1821 г. Прежде всего, Липранди, будучи лично близок Орлову, не был членом тайного общества и, естественно, мог просто не знать о действительном содержании контактов Орлова с руководящими деятелями «Филики этерии» — греческого тайного общества, возглавившего восстание. В самой манере рассказа заметна позиция стороннего наблюдателя, фиксирующего лишь внешнюю сторону фактов, без проникновения в их внутренний смысл. Не следует забывать и о том, что воспоминания писались много лет спустя, когда Липранди круто повернул в сторону реакции и его позднейшие настроения могли отразиться на отборе фактов и их осмыслении. Для историка декабристского движения наиболее авторитетными в этом вопросе могут быть лишь свидетельства самого Орлова и участников греческого освободительного движения. В связи с последним нужно обратить внимание на книгу греческого историка И. Филимона, посвященную истории этерии²⁶.

Сведения о Филимоне крайне ограничены и в основном содержатся в предисловии автора ко второму изданию его книги. Он был знаком со многими деятелями движения этеристов, в том числе с Дмитрием Ипсиланти, у которого служил в Афинах с 1821 г. управляющим конторой. В годы освободительной войны с турками Филимон приступил к изучению истории «Филики этерии» и свой первый труд издал в Навплее в 1834 г. Находясь в близких отношениях с семьей Ипсиланти, Филимон получил доступ к главному архиву этерии, а также к некоторым личным фондам виднейших ее основателей. Немалое значение имели также устные рассказы и сообщения участников движения, тщательно записываемые греческим историком. Новые источники позволили значительно переработать и расширить содержание первого труда и переиздать его в четырех томах в Афинах в 1859 г. Во второе издание были включены в высшей степени интересные данные об участии М. Ф. Орлова в движении этеристов.

«В то время Михаил Орлов был командиром размещенного у Прута авангарда, входившего в Восточный корпус (Южная армия. — С. Л.) под начальством генерала Витгенштейна. Находясь с Орловым в дружеских отношениях и будучи вполне уверенным в его либеральных чувствах, Ипсиланти откровенно объяснил ему, в чем заключались его цели относительно Греции, и настаивал, чтобы тот со всеми войсками, которыми командовал, принял участие в переходе через Прут. Добиваясь этого, Ип-

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 673 (И. П. Липранди), оп. 1, д. 308, л. 20, 20 об.

²⁶ Γ. Φιλίμοнос. Δοκίμιον ιστορικόν περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπανάστασεως. Ἀθήναι, 1859—1861.

силанти со всей очевидностью делал виновным либо императора перед султаном в нарушении договоров, либо Орлова перед императором в неподчинении. Следствием этого было бы, в первом случае, объявление войны со стороны Турции, а во втором — объявление вне закона Орлова. Подобная ситуация была весьма удачна. Генерал Киселев, начальник штаба, не знал об этой тайной договоренности, но в конце концов стал с подозрением наблюдать за особыми отношениями и переговорами Ипсиланти с Орловым. Когда же Орлов, с готовностью на все соглашаясь, проявил только опасения, что его сместят, Ипсиланти их рассеял, предложив, что он сам немедленно перейдет через Дунай с греками, Орлов же с русскими вступит в княжества как самостоятельный начальник. Но какой-то несчастный случай расстроил этот план. На Орлова был написан донос, его тотчас же отстранили от командования авангардом и отправили в Петербург»²⁷.

Филимон не называет источников, из которых он почерпнул свои сведения, хотя в других случаях он обычно это делает. Из содержания книги видно, что автор незнаком с русскими материалами об Орлове и даже не знает об участии последнего в движении декабристов. Исходя из этого, можно лишь указать на греческое происхождение приведенного выше рассказа и сделать вполне правдоподобное предположение, что историк основывался на устных сведениях, полученных непосредственно от Александра Ипсиланти, либо его ближайшего окружения. Близость Филимона к семье Ипсиланти делает это предположение вполне вероятным. Сам автор считал эти факты одним из важнейших моментов в политической деятельности А. Ипсиланти.

«Выдающееся значение Ипсиланти, — пишет Филимон в предисловии к книге, — подтверждается также достигнутым им соглашением с генералом Орловым, который командовал находящимся у Прута авангардом армии генерала Витгенштейна. Как было бы хорошо, если бы удалось совершить совместный переход через Прут греку Ипсиланти и русскому Орлову, его товарищу по оружию! Какие хорошие результаты мог принести этот переход, если бы он не был предан! Михаил Орлов в 1821 г. был бы безусловно не Алексеем Орловым в 1769 г., но настоящим стратегом христианского воинства, защищающего христиан, и он бы вписал одну из самых славных страниц в историю русского народа. Редко встречаются среди народов такие характеры, такие сердца великодушные!»²⁸.

Если верить греческому историку, то указанное «соглашение» могло быть заключено не ранее ноября 1820 г., так как до этого времени этеристы не собирались приступить к военным действиям в Молдавии и Валахии. Эти планы возникли лишь после провала расчетов на высадку морем в Пелопоннесе в конце октября 1820 г. Орлов был в Кишиневе с 8 ноября до отъезда в Каменку в 20-х числах ноября 1820 г. В начале декабря он снова вернулся в Кишинев, чтобы вскоре уехать в Москву на январский съезд членов «Союза благоденствия». Тогда же находился в Кишиневе А. Ипсиланти. По-видимому, во время этих встреч в ноябре-декабре 1820 г. и был решен вопрос о совместном революционном выступлении.

В изложении Филимона заметна некоторая непоследовательность. Так, говоря об отставке Орлова, историк не связывает ее прямо с греческим восстанием: какой-то «несчастный случай» помешал осуществить план совместного перехода через Прут. В своем предисловии автор менее осторожен и объясняет отстранение Орлова от командования предательством (по-видимому, П. Д. Киселева). Возможно, до Филимона дошли какие-то слухи о двусмысленном поведении Киселева во время следствия в 16-й дивизии по делу В. Ф. Раевского. Начальник штаба 2-й армии весьма настойчиво добивался сведений об участии Орлова в деятельности тайного общества.

²⁷ Там же, т. 1, стр. 77—78.

²⁸ Там же, т. 1, стр. 28.

М. К. Азадовский установил, что в своем «Послании к друзьям» В. Ф. Раевский, говоря о предателе, имел в виду именно Киселева²⁹. Другой очевидец тех же событий — И. П. Липранди, рассказывал С. И. Тургеневу в Москве 28 мая 1822 г.: «Киселев... вел себя в деле этом нечисто. Как начальник штаба он мог действовать строго, но он приязнь свою с Орловым употребил против его же, во зло»³⁰. Следует отметить, что Киселев не был заинтересован в том, чтобы создавать большое политическое дело во 2-й армии. Но необходимость удаления Орлова для него была очевидна. Ему были хорошо известны «революционные химеры» командира 16-й дивизии, убежденного в том, что «исторгнуть должно корень зла», и поведение авторитетного в солдатской массе генерала на границе с Турцией внушало начальнику штаба 2-й армии серьезное беспокойство. Подогревалось ли это беспокойство какими-либо сведениями о связях Орлова с греческими повстанцами?

Уже после начала греческого восстания Орлов узнал, что власти некоторое время подозревали, не причастен ли он к делу Ипсиланти. По-видимому, эти слухи соответствовали истине. К тому времени, когда решалась судьба Орлова, Александр I располагал помимо рапортов Киселева и Сабанеева доносами Грибовского, а также сведениями, полученными из Кишинева от полицейских агентов. Но в бумагах Киселева не сохранилось каких-либо данных об отношении Орлова к восстанию Ипсиланти. Не сохранилось и писем Орлова по этому поводу в его переписке с Киселевым. Это тем более странно, что такие письма существовали³¹. Не были ли они уничтожены в тревожный для Орлова 1826 г., как это было сделано его друзьями в бумагах М. А. Дмитриева-Мамонова? Не показались ли они самому Киселеву чрезмерно опасными по своему содержанию? Как бы то ни было, существо разногласий Орлова с Киселевым по греческому вопросу можно с относительной точностью восстановить.

Как и многие высшие офицеры русской армии, Киселев был убежденным сторонником вооруженного конфликта с Оттоманской империей. Уже в 1818—1819 гг. он приступил к собиранию материалов о войнах России с Турцией и привлек к этой работе Пестеля, а также отчасти Орлова и Сенявина³². Выступление Ипсиланти вызвало у Киселева восторженное одобрение. Его письмо к А. А. Закревскому от 14 марта 1821 г. необычайно близко к известному письму А. С. Пушкина о греческом восстании, адресованному предположительно В. Л. Давыдову. «Дело не на шутку, — сообщал Киселев Закревскому о последних происшествиях. — Крови прольется много и, кажется, с пользой для греков. Нельзя вообразить себе, до какого состояния они очарованы надеждою спасения и вольности. Все греки южного края — старые и молодые, богатые и бедные, сильные и хворые — потянулись за границу. Все жертвуют всем и с восхищением собою для отечества! Что за время, в которое мы живем, любезный Закревский! Какие чудеса творятся и какие твориться еще будут. Ипсиланти, перейдя за границу, перенес уже имя свое в потомство. Греки, читая его прокламацию, навзрыд плачут, с восторгом под знамена его стремятся. Помоги ему бог в святом деле, желал бы прибавить, и Россия»³³.

Осуждение действий Ипсиланти российским правительством огорчило Киселева. «Надо здесь жить, — писал он Закревскому 1 мая 1821 г., —

²⁹ «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 62.

³⁰ ИРЛИ, ф. 309 (Тургеневых), д. 29, л. 46 об.

³¹ ИРЛИ, ф. 143 (П. Д. Киселева), д. 26.6.99. Письма М. Ф. Орлова — П. Д. Киселеву. Генерал Вахтен, высказывая надежду на близкую войну с турками, писал Киселеву из Тирасполя 21 марта 1821 г.: «О молдавских делах вам пишет подробно Михайло Федорович». — Там же, д. 29.6.84, л. 5.

³² ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 4227. Письма адмирала Сенявина П. Д. Киселеву относительно карт Дарданелльского и Константинопольского проливов. Материалы для описания бывших с турками войн. 1819.

³³ СИРНО, т. 78, стр. 63.

чтобы знать, в каком уничтожении находятся подданные турецкого правительства и сколько так называемое возмущение греков закононо». ³⁴ Но эти мысли он высказывал уже как «частное лицо», и его симпатии к греческим повстанцам весьма быстро охладились. Киселев, однако, оставался на прежней точке зрения о необходимости войны с Турцией. И во время своей встречи с императором в Слониме летом 1821 г. и в переписке с Закревским и с П. М. Волконским он настойчиво проводил мысль, что «без штыков не обойтись». 29 июня он просил уведомить его о предварительных распоряжениях по армии, «если правительство наше решится занять Молдавию и Валахию, что давно должно было сделать». 1 августа он снова пишет, что «если будет война, то на нынешний год, вероятно, кроме занятия Валахии, Молдавии и, если можно, Троянова вала, более ожидать не должно» ³⁵.

Сходные настроения были широко распространены среди командного состава 2-й армии. Командующий 7-м пехотным корпусом генерал-лейтенант А. Я. Рудзевич писал Киселеву 2 марта 1821 г. о греческом восстании: «Право, не худо бы нам им пособить. Эпоха славная, и мы бы с вами сделались архонтами»; 12 мая: «Пора варваров сих давнуть порядочно и изгнать их из Европы, освобождая греков с под ига их, носимого более 370 лет». В ноябре 1821 г. Киселев сообщал Закревскому, что «Сабанеев... бурлил ужасно, смотря на соседство турок». Тогда же, осенью 1821 г., Киселев выдвинул проект ложного распространения слухов о вступлении русских войск в Придунайские княжества, что должно было устрашить турок и остановить их от дальнейших насилий над жителями Молдавии и Валахии ³⁶.

Иную позицию занимал российский монарх. Обеспокоенный революционным движением в европейских странах, Александр I менее всего думал об освобождении «единоверцев». Его отношение к войне с Турцией четко выражено в письме начальника главного штаба П. М. Волконского П. Д. Киселеву от 2 декабря 1821 г.: «Е. в. угодно, чтобы отнюдь не подавать повода, что мы желаем войны, почему и мнение ваше о разглашении намерения нашего вступить в Молдавию отвергает, ибо много охотников втянуть нас в сию войну и всякие способы к тому изыскивают, чтобы ее воспламенить. Я уверен, что многие ищут и, может быть, стараются довести до того, чтобы турки сделали вторжение, видя, что по сие время ничто к тому нас не решает, почему и должно быть вам весьма во всех действиях и движениях осторожными». Спустя некоторое время Волконский повторил Киселеву свое предупреждение, продиктованное реакционной политикой руководителей Священного союза: «Все оные нелепые слухи распространяются с намерением только, чтобы завести нас в войну, дабы в другом месте затеять свободнее другую» ³⁷.

Возвращаясь к книге греческого историка, нельзя не обратить внимание на близость планов Орлова и Ипсиланти к военным замыслам Киселева. Но между ними заметно и различие. Киселев надеялся склонить Александра I ввести войска в Придунайские княжества. Орлов был готов совершить этот акт даже вопреки желанию царского правительства. Филимону остались явно непонятны мотивы этого решения. Он пытался объяснить поведение Орлова его нравственными достоинствами («чистейший филэллин», замешанный, «как часть в целое, в дело освобождения Греции»), а также предложением Ипсиланти овладеть княжествами в роли самостоятельного начальника. Но подобные предложения были реальными только при условии возникновения обстановки, в которой Орлов мог бы самостоятельно принимать самые значительные решения, вплоть

³⁴ Там же, стр. 65.

³⁵ Там же, стр. 67, 69, 70, 72.

³⁶ ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.102, л. 159 об., 177; д. 29.6.95, л. 192.

³⁷ ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.89, л. 6, 7.

ли международных акций. Царская Россия таких возможностей, разумеется, не предоставляла. Предложения Ипсиланти следует рассматривать в иной плоскости, в плане революционных замыслов Орлова: только в условиях революционных преобразований в самой России могла быть оказана такого рода помощь восставшей Греции. Но из этого следует, что Орлов был хорошо осведомлен о политических намерениях этеристов, и прежде всего А. Ипсиланти, более того, он к этому времени уже связывал освободительную борьбу греческого народа с революционными преобразованиями внутри России и принимал деятельное участие в подготовке этерией восстания.

Орлов сам об этом сообщает в письме к своей будущей жене Е. Н. Раевской от 21 марта 1821 г., когда уже были получены известия о первых неудачах греческих повстанцев: «Ежели некоторые части моих писем вам не нравятся, то по крайней мере вы должны быть довольны моей точностью в известиях о здешнем крае. Не смейтесь над Ипсилантием. Тот, кто кладет голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам. Из моих писем вы все знаете, но прошу вас их не разглашать, особливо сии последние и предыдущие». К последней фразе обеспокоенный Орлов сделал весьма существенное примечание: «То есть те вещи, которые не требуют разглашения, как, например, образ действий и создания тайного общества и участие наших вельмож в оном»³⁸.

Трудно судить, кого имел в виду Орлов, говоря о «наших вельможах». Вряд ли это были одни знатные греки, находившиеся на русской службе. Речь, очевидно, шла и о русских вельможах, в числе которых мог быть и сам Орлов. В своем письме к Е. Н. Раевской он был совершенно искренен, хотя, разумеется, не все высказывал до конца. Поражает, однако, общий взволнованный тон письма, свидетельствующий о личной заинтересованности Орлова в успехе восстания, его осведомленность в делах этерии, система организации которой и «образ действий» ему превосходно известны. Наконец, из письма следует, что Ипсиланти не был одинок в своем «покушении», что его выступление было хорошо продуманным актом и, по-видимому, опиралось на какую-то предварительную договоренность с М. Ф. Орловым. О том, как далеко могла идти такая договоренность, говорит уже цитированный отрывок из книги И. Филимона.

На политическом фоне этих событий поведение Орлова на Московском съезде декабристов в начале 1821 г. перестает быть трудно объяснимым и неожиданным. Оно было подготовлено всей его предшествующей деятельностью. План революционного переворота был выдвинут в январе 1821 г., за полтора месяца до начала греческого восстания. Орлов настаивал на немедленном вооруженном выступлении, причем инициативу брал на себя, иными словами, предлагал одновременные с греческими повстанцами действия. Оказание помощи восставшей Греции в этой связи не могло не рассматриваться Орловым как часть общего плана революционных преобразований в России.

В самом плане построения нового общества, предложенном Орловым на съезде декабристов, заметны следы его знакомства с организацией этеристского движения. Новое общество должно было отличаться от всех предыдущих не ступенчатой, а радиальной системой построения: его члены, разделенные на изолированные друг от друга «языки», или «народы», должны были сходиться к невидимому руководящему центру. При этом нарушался основной принцип масонской организации — принцип нравственного совершенствования «каменщика», выраженный в его постепенном восхождении от низших степеней к высшим. Подобное построение

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1711, оп. 1, д. 58, л. 7; М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 232.

отрицало и такие формы существования тайного общества, при которых «все всё знали» (определение Орлова): рядовые члены — «исполнители» — полностью отстранялись от участия в руководстве и не могли оказывать на него какого-либо влияния. Орлов стремился не к созданию политического клуба, в который, как ему казалось, стал перерождаться «Союз благоденствия», а к организации прямого революционного действия. Будущее тайное общество мыслилось как инструмент не мирного времени, а революции, подобный тайному обществу этеристов. Именно в этерии, где масонская ритуальность полностью потеряла свое значение и служила исключительно целям политической конспирации, Орлов нашел четкое членение общества на руководящее ядро и степени, обособленные и независимые друг от друга по характеру участия в будущем восстании («воины» и «граждане»), но взаимно подчиненные высшей «невидимой власти». Разделение общества на «языки» нельзя понимать буквально как организацию международного революционного центра. Орлов прибегал к обычной масонской символике для определения характера деятельности различных степеней общества, независимых друг от друга, но подчиненных общему центру — «Архи» («невидимым братьям»). Радиальная система организации, по-видимому, предполагала распространение идей общества в самых широких слоях населения. Подобное построение сходствовало бы с этерией как общенародным союзом. Замышляемая Орловым «военная революция» все больше начинала походить на всеобщее восстание, успех которого должны были закрепить такие не приемлемые для дворянского сознания меры, как массовый выпуск «в лесах» революционных брошюр и воззваний, печатание фальшивых ассигнаций и т. п.

Конечно, замысел организации тайной типографии или литографии «в одной из отдаленных деревень» какого-либо члена общества рассматривался еще Н. Тургеневым и Ф. Глинкой в 1818—1819 гг., как и вопрос о литографировании агитационных материалов в Париже. М. С. Лунин даже приобрел в 1819 г. «литографический станок» для нужд тайного общества³⁹. Но, во-первых, эти замыслы так и не были реализованы, кроме двух-трех проб, и, во-вторых, они были рассчитаны либо на распространение уставных документов внутри тайной организации, либо на постепенную и незаметную просветительскую работу. Между тем Орлов стремился к организации немедленного революционного выступления. В этих условиях создание тайных типографий «в лесах» приобретало особое значение. По-видимому, Орлов и в этом вопросе учитывал опыт этеристов, привезших из Москвы в Кишинев в начале декабря 1820 г. типографию. Уже в первых числах января 1821 г. она стала тайно функционировать и выпустила, в частности, «национальные облигации», которые выдавались лицам, внесшим деньги на освобождение Греции⁴⁰. Революционные воззвания, которые собирался печатать «в лесах» Орлов, должны были распространяться среди солдат, военных поселян, словом, среди простого народа. Не случайно у Раевского была твердая уверенность, что один шаг за Днестр, в сторону военных поселений, — «и все, как порох, вспыхнет и восстанет», за Днестром «точас взбунтуются и пойдет, как огонь». По справедливому замечанию М. В. Нечкиной, план военного выступления 16-й дивизии ориентировался на «поддержку военных поселений» и дружественные отношения с восставшей Грецией⁴¹.

Умеренное большинство участников Московского съезда отклонило предложения Орлова, которые показались «неистовыми» — определение, в те годы обычно соотносимое с событиями Французской революции. Русское тайное общество («Союз благоденствия») не было еще подготовлено к решительным действиям, и планы Орлова, стремившегося к немедленному

³⁹ В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 422—443.

⁴⁰ Г. Л. Арш. Указ. соч., стр. 258—286.

⁴¹ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 365.

начатую революции, казались преждевременными и опасными. Отсутствие поддержки, на которую рассчитывал Орлов, не могло не замедлить осуществления его замыслов, но — и это важно отметить — он продолжал готовить свою дивизию к вооруженному выступлению. Новыми тяжкими ударами для Орлова были поступившие уже весной 1821 г. известия о неудачах греческих повстанцев в Придунайских княжествах. Арест В. Ф. Раевского и начавшееся следствие в 16-й дивизии свели на нет любые возможности для революционной активности Орлова.

Разгром кишиневской декабристской группы вызвал отклики среди зарубежных конспираторов. Сведения о революционных настроениях в дивизии Орлова и следовавших правительственных репрессиях оживленно обсуждались членами польских тайных обществ⁴². Один из вождей европейского революционного движения Ф. Буонарроти, по свидетельству его агента А. Андриана, пытался в 1822 г. наладить связи с русскими единомышленниками⁴³. 14 августа 1822 г., вскоре после отстранения Орлова от дивизии, либеральная, но враждебная революционным действиям парижская газета «*Constitutionnel*» сообщала в рубрике «внутренних известий», полученных из России, о восстании в одном из корпусов русской армии. «Если можно всему этому доверять, — писала газета, — то, по-видимому, демагогические происки обнаружили не в одной дивизии Орлова, но и во всех корпусах армии, частью которой она являлась. Мотивы этих демагогических происков могут показаться из ряда вон выходящими. Рассказывают, что один майор из дивизии Орлова был обязан обучать младших офицеров и солдат этой дивизии по ланкастерской системе с тем, чтобы те могли впоследствии продолжить это обучение в своих полках. Но сразу же было замечено... что эти люди распространяли с большим усердием принципы атеизма и демагогии. Многие из этих русских карбонариев были осуждены на шпицрутены, но, говорят, что солдаты отказались участвовать в этой экзекуции»⁴⁴.

Содержание статьи, опубликованной в европейски известной газете, разумеется, не сводится к отдельным неточностям или преувеличениям, вызвавшим ироническую улыбку Орлова⁴⁵; это — последний зарубежный отклик на политическую деятельность декабристов в 16-й дивизии, подавленную репрессиями царских властей.

Революционные замыслы Орлова не были осуществлены, но в истории декабристского движения они займут свое место как первая попытка организации вооруженного восстания против самодержавной России, как один из ярких примеров солидарности русских и греческих революционеров.

⁴² Sz. A s k e n a z y. Łukasiński, t. 1. Warszawa, 1929, s. 411; ЦГАОР СССР, ф. 48, ед. хр. 71 (показания В. Оссолинского), л. 152 об.

⁴³ A. A n d r u a n e. *Memoirs d'un prisonnier d'état au Spielberg*, t. 1. Paris, 1839, p. 30.

⁴⁴ Выписка статьи «О возмущении солдат 16-й пехотной дивизии и о мятежном духе во всех полках корпуса генерала Сабанеева» сохранилась в архиве М. Ф. Орлова. — ИРЛИ, ф. 255, оп. 1, д. 43, л. 1, 1 об. Ср. ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., д. 61, ч. 177, л. 71.

⁴⁵ «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 37—38.